

*Памяти предков, верой и правдой
служивших Отечеству, посвящаю...*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЗНАМЯ ПОБЕДЫ НАД ПАРИЖЕМ	10
ПРЕДКИ	16
О ЧАВЧАВАДЗЕ	16
О КАЗЕМ-БЕКАХ	30
МОЙ ДЕД ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАЗЕМ-БЕК	47
МОЙ ДЕД КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЧАВЧАВАДЗЕ	56
«НЕОСТОРОЖНО СКАЗАННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ФРАЗА»	60
«КОММЕРЦИЯ — НЕ МОЁ ДЕЛО»	64
ЛИЛЯ ТОЛСТАЯ	66
МЛАДОРОССЫ	71
«ШЕХЕРЕЗАДА»	84
ВОЗВРАЩЕНИЕ	89
СПИРИДОН ЧАВЧАВАДЗЕ	97
АРЕСТ ОТЦА	102
ССЫЛКА	105
ПОБЕГ СЕСТРЫ	112
ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ОТЦА	116
СБОР ХЛОПКА	127
ДАРИКО	131
КАК Я СТАЛ НА РОДИНЕ ВНУТРЕННИМ ЭМИГРАНТОМ	139
ЛУЧШЕ ПРИЙТИ НА ТРИ ЧАСА ПОЗЖЕ	146

КОМУ ОТТЕПЕЛЬ, А КОМУ ЗАМОРОЗКИ	152
ВОЛОГДА	157
«А ТЫ ЕЩЕ ЖИВ, СКОТИНА?!»	165
ВЬЕЗДНАЯ ВИЗА ВО ФРАНЦИЮ	168
ПАРИЖ	175
ОТЕЦ СЕРАФИМ	188
ЛАЗУРНАЯ ПЕЛЕНА	196
КРАЙ СОЛНЦА И РОЗ (МЗИС ДА ВАРДЭБИС МХАРЭ)	206
ГИГАНТЫ РУССКОГО ДУХА	220
ПРЯМЫХ ПРИЗЫВОВ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ МОНАРХИИ НЕ ПРОЗВУЧАЛО	234
«УВИДЕТЬ ВОЗРОЖДЁННЫЙ ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ И УМЕРЕТЬ!»	236
САШКА	256
МАМА И МИШКА	267
ГОША	284
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ	301
PERSONA NON GRATA В СТАНЕ «ЦИВИЛИЗОВАННЫХ» ДИКАРЕЙ	337
ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ НАСЛЕДНИКА РУССКОГО ПРЕСТОЛА	349
«ВОДИТЕЛЯ РАССТРЕЛЯТЬ, А МАШИНУ СЖЕЧЬ...» ...	359
ДИВЕЕВСКАЯ ГОЛГОФА	375
ЛЕЙБ-ЭРИВАНЕЦ В ДОБРОВОЛЬНОМ САМОЗАТОЧЕНИИ	382
ЭПИЛОГ	391
НЕКОТОРЫЕ СОХРАНИВШИЕСЯ ДОКУМЕНТЫ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА	412

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свой 75-летний юбилей я отпраздновал на девятом году пребывания в должности директора московской православной Гимназии святителя Василия Великого. За всё время работы под заботливым присмотром основателя и главного попечителя гимназии К. В. Малофеева и при деятельном участии многих моих коллег удалось сделать немало. Наше учебное заведение обрело прочную репутацию престижной школы, воспроизводящей систему дореволюционных классических гимназий с хорошо поставленным образованием и добротным православным воспитанием. Признаюсь, что работалось мне с огромным воодушевлением, энтузиазмом и даже удовольствием. Только вот жизненных сил для продолжения полноценного исполнения профессиональных обязанностей начинало уже явно недоставать. И я взмолился об отставке перед начальством в лице моего давнего доброго друга Константина Малофеева, которого удалось убедить в том, что иного способа выжить у меня просто не существует.

Чуткое сердце Кости откликнулось сразу же, и он дал добро. Но поставил при этом два условия: я должен был отыскать адекватную замену на освобождаемую должность директора гимназии и... честно пообещать, что, уйдя на «заслуженный отдых», я немедленно приступлю к написанию мемуаров. Первое условие оказалось выполненным только благодаря великому акту самопожертвования со стороны нашего общего с Костей друга Олега Владимировича Лебедева, милостиво согласившегося сменить меня на директорском посту, хотя для этого ему пришлось отказаться от предложенной ему гораздо более престижной должности вице-губернатора одной из центральных российских областей.

А к выполнению второго условия я приступил не сразу после отставки, а лишь после того, как подвергся всестороннему медицинскому обследованию и получил соответствующие предписания по лечению обнаруженных у меня гипертонии и прочих возрастных недугов.

Теперь же, по завершении работы над мемуарными записками, традиционные благодарности за их появление на свет я адресую в первую очередь моему другу и благодетелю Косте Малофееву, не только породившему саму идею написания воспоминаний, но и предоставившему мне все необходимые условия для её реализации. Во вторую очередь я, естественно, благодарно склоняю голову перед великодушным Олегом Лебедевым, без жертвенного подвига которого ни о каких мемуарах не могло быть и речи.

Большое спасибо другу и коллеге Максиму Николаевичу Крючкову, который первым включился в процесс работы над мемуарами, бегая за мной с диктофоном и записывая мои ответы на вопросы, а затем, после расшифровки записи, умно и предусмотрительно подготавливая новые темы и новые вопросы, позволявшие мне восстанавливать в памяти и обогащать подробностями многие эпизоды и события моей жизни.

Значительной была роль Максима и на заключительном этапе подготовки мемуаров к публикации: он принял участие в финальной редакции рукописи и взял на себя хлопоты по взаимодействию с издательством, включая вопросы, связанные с подготовкой верстки, а также все организационные моменты.

Также я не могу не выразить самую сердечную признательность Дмитрию Беговатову, необыкновенно талантливому и эрудированному молодому учёному-историку, который великолепно проделал свою часть работы, не только преобразовывая корявую устную речь диктофонных записей в образцовую письменную, но и внося существенные коррективы в биографии упоминавшихся мной исторических фигур и в хронологию описываемых событий.

Отдельная благодарность Денису Арцибашеву за кропотливый труд по отбору и подготовке к печати обильного иллюстративного материала.

И, завершая предисловие, хотелось бы высказать некоторые соображения по части мемуарного жанра как такового. Существует избитая мысль о том, что человеку ни при каких обстоятельствах не свойственно врать так изощённо, как при написании собственных воспоминаний. Постоянно держа в голове это утверждение, я старался строго контролировать себя на протяжении всей работы над рукописью. И если мне всё-таки где-то не удалось избежать отклонений от истины, то, скорее всего, по причине либо провалов в памяти, либо простой путаницы, либо ошибочного (кому не свойственно ошибаться?) толкования тех или иных событий, поступков и явлений. Поэтому чувствую за собой право считать свои мемуары честными.

Однако должен при этом оговориться, что существует ещё и другая (лукавая!) форма утаивания правды, которая заключается в так называемой фигуре умолчания. И если рассуждать с этих позиций, то я обязан откровенно признаться читателю, что предлагаемые ему мемуарные записки насквозь лживы от самого начала и до самого конца. Потому что нигде, ни по какому поводу и ни единым словечком мною не упоминаются те эпизоды жизни, в которых я представлял в неблагоприятной роли или выглядел недостойно. Поэтому если по прочтении книги в воображении читателя моя персона сложится в положительный образ, то пусть он твёрдо знает: это не полный мой образ. Полный у него мог бы возникнуть, когда бы он, помимо книги, ознакомился ещё и со всеми моими исповедями за целую долгую жизнь. Но, понятно, такой возможности я ему предоставить не в состоянии, даже если бы очень этого захотел (а чтобы быть до конца честным, признаюсь, что, если бы мог, то вряд ли бы захотел, увы!).

И наконец, о названии книги. Как очень скоро убедится читатель, в моей семейной истории присутствует капитальный

временной водораздел, который чётко разграничивает эпоху нелёгких условий нашего существования в вынужденной эмиграции на чужбине от эпохи не менее трудных условий жизни на родной земле после добровольной репатриации. Это обстоятельство напомнило мне о русской народной поговорке «из огня да в полымя» про неожиданное попадание из одних злоключений в другие. Получалось, что мы вроде бы из «огня чужбины» попали в «полымя Родины». Интуитивно такая формулировка мне почему-то сразу легла на сердце. Но чуть поразмыслив, я понял почему. Да потому, что «полымя» определённо звучит намного более возвышенно и поэтично, нежели «огонь»! А поскольку оба слова синонимичны понятиям «тепла» и «жара», мне показалось, что лучшего заглавия для книги о семье, в которой во всех поколениях всегда традиционно презиралась теплохладность, найти невозможно.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ НАД ПАРИЖЕМ

3
Задаюсь вопросом: а могло ли изрядно затянувшееся моё существование на этом свете завершиться, едва начавшись? Увы, да! Впрочем, мифическая «старуха с косой» и много позже не раз заносила своё смертельное оружие над моей головой: голод, холод, болезни ссыльного детства; вынесенный мне, но чудом не приведённый в исполнение смертный приговор; гуляние под снайперским прицелом в Грозном и ряд других достопамятных случаев — верное тому свидетельство.

Однако начнём по порядку...

2 февраля 1943 года отец забрал маму и меня, пятидневного младенца, из родильного отделения парижской клиники и привёз в нашу квартиру на улице Лало (rue Lalo), неподалёку от Булонского леса, в фешенебельном 16-м округе города, где нас торжественно встречали пожилые родители мамы и мой брат-подросток с двумя сёстрами.

В разгар войны, бушевавшей вдали от оккупированного немцами Парижа, население города сталкивалось с серьёзными трудностями. Карточная система на продукты, острый дефицит продовольствия и дороговизна в сочетании с растущей безработицей сильно усложняли жизнь как кореным парижанам, так и, разумеется, нашедшим убежище во Франции русским эмигрантам. Поэтому пополнение семейства было отмечено самой что ни на есть скромной трапезой, но с традиционной эмигрантской настойкой на основе дешёвого аптечного спирта.

На следующий день в 6 часов утра мирно спавшая семья была разбужена невероятным грохотом. Кто-то нещадно барабанил в дверь ногами и руками. Мой отец в пижаме устремился по коридору ко входной двери, не понимая,

почему его тапочки увязали в лужах какой-то красной жидкости. «Кого-то убили!» — спросонья подумал он и быстро открыл дверь.

На пороге стоял 15-летний Павел Толстой, троюродный племянник моей матери, которого в семье звали Пусом.

— Дядя Миша, — яростно вскричал Пус. — Что за красный флаг висит у вас на балконе?!

Не поняв вопроса, отец кинулся по направлению к балкону, выйти на который можно было только через комнату его тестя и моего деда Льва Александровича Казем-Бека, выпускника Пажеского корпуса, бывшего офицера лейб-гвардии Уланского Ея Величества полка и участника Белого движения. Он лежал в своей кровати и безмятежно спал на почему-то голом матрасе без простыни.

Догнав отца и первым проскочив на балкон, Пус принялся поспешно отвязывать прикрепленную к его ажурной металлической ограде швабру, с противоположного конца которой свисало алое полотнище. Быстро втянув в комнату швабру, отец и Пус увидели мою испуганную мать.

— Ясное дело — такое мог натворить только этот неисправимый самодур! — раздражённо сказала она, показывая на спящего родителя. И хотела разбудить его, чтобы закатить скандал, но отец отговорил её:

— Пусть выспится, потом разберёмся.

Дед проснулся, когда все уже позавтракали и собирались убирать со стола. Но не успели. С невозмутимым видом и в явно приподнятом настроении дед вошёл в столовую, уселся на своё место и налил себе чаю. Первой на него набросилась моя мать.

— Папа, ты понимаешь, что натворил?! Ты же знаешь, что мы живём в нескольких кварталах от гестапо, офицеры которого целыми днями снуют мимо нашего дома?! Ты подумал о нас, о новорождённом Зурабе, когда затеивал свою авантюру?! Если бы не Пус, который в шесть утра шёл к нам за забытыми вещами, этот флаг на балконе первым увидел

бы не он, а какой-нибудь гестаповец! И нас расстреляли бы всех до единого вместе с детьми!!! Как ты смел, как ты...

Но дед не дал ей договорить:

— Замолчи, несчастная! — дед стукнул кулаком о стол. — Ты же ничего не знаешь! Ни-че-го!! И вы все остальные, — он обвёл взглядом сидящих за столом, — вы тоже ни о чём не догадываетесь. Так помолчите же и послушайте... Вам даже неведомо, что с самого начала войны я втайне обзавёлся детекторным радиоприёмником. И при этом ничуть не рисковал попасть под расстрел, который предусмотрен за хранение дома радиоприёмников. Ведь детекторные приёмники невозможно запеленговать! Но вам, однако, известно, что в моей комнате за занавеской висит карта Российской Империи и что я передвигаю на ней флажки, обозначая расположение фронтов воюющих сторон. А задумывались ли вы когда-нибудь, откуда я черпаю информацию для перемещения этих флажков? Нет, конечно! А я добываю её по ночам, когда все вы укладываетесь спать. Я запираюсь у себя в комнате, налаживаю детекторный приёмник и ловлю разноязычные радиостанции!

Дед с удовлетворением констатировал, что гневное выражение лиц его сородичей начало превращаться в заинтригованное.

— Так вот, нынешней ночью, когда вы все улеглись спать после ужина с настойкой, я, как всегда, закрылся у себя, включил аппарат и стал шарить по эфиру. И вдруг!.. И вдруг где-то около четырёх часов ночи одна из станций сообщила о том, что окружённые под Сталинградом гитлеровские армии под общим командованием фельдмаршала Паулюса сдались на милость победителя. Я не поверил собственным ушам, пока не услышал подтверждения этой информации еще на нескольких радиостанциях. И тут я возликовал! Нет, не возликовал... Я пришёл в иступлённый восторг!!! Затянувшаяся, кровопролитная Сталинградская битва завершилась полным разгромом немцев! Вы понимаете, что это

значит со стратегической точки зрения? Ну, ты, Миша, — обратился он к моему отцу, — ты же офицер и тоже выпускник Пажеского корпуса. Тебе же должно быть понятно, что немцы теперь проиграли войну. Это бесспорно так, это теперь вопрос всего лишь времени...

Теперь уже заинтригованное выражение на лицах домоладцев переросло в откровенно радостное, и дед продолжил:

— От услышанной новости я не мог найти себе места. Эмоции переполняли меня. Первое, что пришло в голову — пройти в столовую за недопитой вчера настойкой, принести её к себе в комнату и отметить великое событие. Но от этой идеи пришлось отказаться, потому что по дороге в столовую я бы всех вас перебудил, в том числе и новорожденного Зураба. Тогда я стал искать другие способы дать выход чувствам, переполнявшим всё моё существо. И вдруг, как озарение, родился план: немедленно вывесить флаг, под которым одержана победа в величайшем сражении всех времён и народов, и отдать ему честь русского офицера! Причём сделать это в нескольких кварталах от гестапо, в самом центре Парижа, оккупированного поверженным ныне врагом!

Эта идея настолько овладела мной, что я начал действовать в автоматическом режиме. Я стянул со своей постели простыню, собрал из моих художественных принадлежностей все красные краски, выдавил их в ванну, растворил в тёплой воде и, окунув простыню в густую кровавую смесь, пошёл за шваброй и верёвкой. Прикрепил мокрую алую простыню к швабре и понёс её через коридор в свою комнату, а оттуда уже на балкон, где привязал к балконной решётке.

— То-то я не мог понять, когда утром бежал открывать дверь, откуда взялись в коридоре эти «кровавые» лужи, — сказал отец.

— Да, да, — продолжил дед, — а когда красный флаг уже был над Парижем, я оделся — надел пальто и шляпу,

спустился вниз и вышел на тротуар. Надо мной развевалось знамя русской Победы! Я встал по стойке «смирно» и отдал ему честь.

Дед умолк, отвернув лицо в сторону, чтобы никто не увидел набежавших на его глаза слёз... А отец открыл дверцу шкафа и вынул оттуда четыре рюмки вместе с графином недопитой накануне настойки.

Впервые в семейной истории семья принялась чокаться и пить, не дождавшись обеда — сразу после завтрака! У этих пламенных русских патриотов надежда на победу в войне с ненавистным врагом сменилась на неколебимую уверенность...

Вскоре новость о вывешенном красном флаге обошла «русский Париж», и дед был вызван «на ковёр» в полковое объединение улан Ея Величества. Там сразу и прямо заявили, что намереваются исключить его из объединения за то, что он посмел выкрасить флаг в цвет, который символизирует власть тех, «кто поработил Россию и зверски убил Царскую Семью».

Негодование деда не было предела. Он с яростным возмущением отверг эти обвинения, заявив, что с 22 июня 1941 года красный цвет стал символизировать только лишь реки жертвенной крови, героически проливаемой русским народом во имя Отечества, и что к большевистской власти он уже не имеет ровно никакого отношения. Точно так же, как, например, цвет пасхальных яиц или священнических облачений на Пасху. Уланы, тоже в душе переживавшие за советскую армию, посчитали выдвинутый дедом контраргумент смягчающим обстоятельством и ограничились объявлением ему выговора.

Таким образом, волнительная история с водружением знамени Победы в оккупированном немцами Париже завершилась благополучно во всех отношениях. Понятно, что, в отличие от моих домочадцев, мне лично в ту ночь переживать не пришлось вовсе. Но в сознательном возрасте,

конечно, я обо всём узнал. И всегда восхищался дедовским поступком, несмотря на всё его сумасбродство и безрассудство. А к Пусу Толстому испытывал неизменное и глубокое благодарное чувство за своевременность его ночного появления на нашей улице.

Но вот ровно тридцать лет спустя — в 1973 году — Пус приехал в качестве англо-франко-русского синхронного переводчика на какой-то международный конгресс в Тбилиси, где я тогда проживал. И попал здесь в серьёзный «переплёт», детально рассказывать о котором я не стану. Он позвонил мне домой поздно ночью и встревоженным голосом попросил приехать к нему в гостиницу. Когда я подъехал, он уже ждал меня в вестибюле. Мы погуляли по проспекту Руставели, он ввёл меня в курс дела, и мы выработали план действий. Честно скажу, что без моего содействия Пусу пришлось бы туго. Через два дня он благополучно добрался до Москвы, позвонил мне из Шереметьево перед самой посадкой в парижский самолёт и слёзно благодарил.

— Дорогой Пус, — ответил я, — мне удалось помочь тебе избавиться хоть и от крупных, но всё же только лишь неприятностей. А мне ты однажды сберёг целую жизнь. Так что я всё ещё твой должник...